

1917–2017

Г.Г. ВОДОЛАЗОВ

Юлий Мартов. Политика и мораль в революции

Драматические события февральско-октябрьского революционного процесса поставили массу вопросов перед социальной теорией. И среди них – вставший с особой остротой вопрос о соотношении политики и морали. Совместимы ли они? И каково содержание этой “совместимости”? Проблема эта рассматривается через призму деятельности одного из выдающихся представителей того времени, человека безупречных нравственных принципов – Юлия Осиповича Мартова, через его взаимоотношения с такими политическими лидерами, как В. Ленин, А. Керенский, Г. Церетели, Н. Чхеидзе и др. Анализируется влияние, которое нравственная позиция этих лидеров оказывала на их политическое поведение.

Ключевые слова: политика, мораль, нравственность, революция, реформа, диктатура, демократия, большевики, меньшевики, эсеры, кадеты.

Уроки Мартова: что делать и чего не делать?

В первой статье (ОНС, № 6, 2017) я так расписал “провалы” Мартова, что невольно возникает вопрос: насколько же оправданы те высокие оценки, которые давались Мартову? Нет ли тут противоречия? Нет, противоречия нет. То были оценки не его политической деятельности, а его нравственно-гуманистического мировоззрения, его блистательной публицистики. Он был не вождем революционных масс, не партийным руководителем, не политическим организатором. Он вообще не был политиком (хотя и стремился им быть). Он был Просветителем, Проповедником, Просветителем человеческих голов, Проповедником гуманизма. Да, получилось так, что Мартов не смог стать политическим вождем. И все же его нравственно-гуманистическая деятельность не прошла бесследно и для политики, и для политиков. Под влиянием завораживающей красоты его нравственной проповеди политики, соприкоснувшись с ней, становились (и будут становиться в будущем) чуть-чуть человечнее, чуть-чуть гуманнее, чуть-чуть демократичнее. И потому с такой симпатией относились к Мартову политики самых различных течений – от кадетов до большевиков. Да, политическое Дело не далось Мартову. Но политическое (а не только нравственное) Слово ему подчинялось вполне и звучало отчетливо, авторитетно и громко. Он был мастером политического *анализа* – тонкого, глубокого, блистательно выраженного. Не случайно его называли “добролюбовым демократической публицистики”.

Водлазов Григорий Григорьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теории политики Московского государственного института международных отношений (У). Адрес: Москва, 119454, пр. Вернадского, 76. E-mail: gvodolazov@yandex.ru

Политические оценки, политические формулы Мартова, как правило, били точно в цель. Вспомним его глубокие, содержательные резолюции, о которых речь шла в первой статье. А его итоговая (смелая и точная) оценка причин фиаско родственных ему политических партий (меньшевиков и эсеров) в февральско-октябрьском революционном процессе... А его программа демократических реформ (см. подготовленный им документ “Что делать?”) — яркая картина политического будущего России, к которому нужно стремиться...

Почти все его так называемые “провалы” — это “провалы” в *практическо*-политической сфере, но не в сфере *теоретико*-политической (за рядом исключений, о которых мы еще будем говорить). Вся его критика — постоянная, последовательная — руководства меньшевистской (то есть его, Мартова) партии — с самого момента его возвращения в Россию и до Октября была точной, глубокой и конструктивной. Только... Только у него не получалось перевести свои идеи с языка теории на язык практических политических действий. Но то, что говорил Мартов о роли нравственности и демократии в социальном (и тем более — революционном) процессе, войдет в золотой фонд социальной теории. Это все Уроки из разряда “Что делать?”. Это все важные *позитивные* уроки Мартова. Но есть в его деятельности, так сказать, *негативные* — уроки из разряда “Чего не делать?”. И они не менее важны для современной политической теории и современной политической практики, чем уроки “позитивные”. Остановлюсь на трех главных Мартовских уроках из разряда “Чего не делать?”.

Урок первый. Я уже отмечал, что в основу политической деятельности Мартов (при всех его оговорках) положил Нравственное начало, Моральные принципы, Гуманистические императивы. Он чересчур абсолютизировал их. И эта абсолютизация была причиной его неудач. Если эти, прекрасные сами по себе, принципы и императивы, будут положены в *основу*, в *фундамент* политической деятельности — ждите сокрушительного фиаско. У политики — свои законы и не все они совпадают с нравственными требованиями. Ведь в основе, в фундаменте политики лежит “насилие”. Политика, как известно, есть процесс согласования интересов людей в обществе, выработка (на основе согласования) стратегии развития социума и реализация этой стратегии — при опоре на власть, государство, насилие (на “легитимное насилие”, по слову М. Вебера). Идете в политику — знайте: вам придется прибегать к “насилию”. *Абсолютизация* же “ненасильственных” методов, нравственных императивов не позволит вам быть эффективным политиком. Разумеется, нравственные требования не исключаются из политической деятельности, они входят в нее как составная часть. Но вам придется основательно подумать над тем, как эти “части” — политика и мораль — будут сочетаться, как возможно сопряжение политических законов и нравственных императивов. Непростая, очень непростая задача!

Нельзя политику превращать в какой-то вид нравственной деятельности (к чему призывал, например, Эразм Роттердамский в “Воспитании христианского государя”). Но нельзя и отрывать политику от морали (как Н. Макиавелли в своем “Государе”). Уметь сочетать, сопрягать эти два начала — задача политика. Политика, насилие, не ограниченные нравственностью, выливаются в деспотическое, тоталитарное правление оруэлловского типа. Оно разрушительно и для отдельной личности, и для общества в целом. В то же время нравственная деятельность, не сочетающаяся с политической, не способна эффективно влиять на социальное развитие. Это будет мир Слов (прекрасных, возвышенных), но не мир Дел. Какова же может быть формула их сопряжения? Да, в основе политической деятельности лежит “насилие”. Но дело в том, что *социальная* деятельность гораздо больше, гораздо шире, чем *политика*.

Социальная деятельность — это комбинация политических и не-политических форм деятельности, насильственных и ненасильственных действий. При этом важно иметь в виду, что в ходе исторического общественного развития пространство политики, пространство насилия — в самодержавно-монархических, в тоталитарных обществах “политика”, “государство” — охватывает все. А в обществе демократическом (к которому, при всех трудностях и зигзагах, влечется мировое социальное развитие)

политика — лишь *одна* из сфер деятельности социального человека. Поэтому в современном, стремящемся к демократии, обществе политику следует быть скромнее — не рассматривать себя в качестве “начальника”, “господина” социума. У него в нем весьма ограниченные функции. А все более расширяющееся место занимают (должны занимать) экономика, искусство, наука и мораль, то есть — ненасильственные формы социальности. И поскольку политика находится в постоянном соприкосновении с этими формами деятельности и общественного сознания, то они должны каким-то образом сочетаться, сопрягаться друг с другом. И это сопряжение нравственных и политических императивов составляет феномен, который можно именовать “Нравственной политикой”. Что же это означает? В чем смысл этого сопряжения? В том, по-видимому, что политика должна быть ограничена нравственностью.

Нравственность должна быть ограничителем политических действий, формой их гуманизации. И итоговая формула такого сопряжения может звучать так: Нравственная политика — это политика, *максимально минимизирующая насилие*. Нравственная политика — та, что в каждом своем действии решает вопрос о *цене прогресса*. Нравственная политика — это политика, ставящая во главу угла интересы не “государства” (как у Макиавелли: “сильное, стабильное государство”), а *интересы, благо людей*, живущих в этом государстве. Для нравственного политика “государство” — не Цель, а Средство, средство достижения достойного материального и духовного бытия каждого человека. Вот заслуга — и великая заслуга! — Мартова и состоит в том, что всесторонне развивая нравственную сторону человеческой деятельности, он (объективно) готовил почву для ее сопряжения с деятельностью политической. Самому Мартову этот синтез политики и нравственности осуществить не удалось — ни в теории, ни на практике, ибо у него был слишком большой крен в сторону нравственных начал. Но все идейные предпосылки для такого синтеза были им созданы. Реализация же этого — за политиками будущего.

Урок второй. Мартов очень почитал схемы общественного развития, начертанные классиками марксизма: феодализм, исчерпав свои исторические возможности, сменяется капитализмом; капитализм, развив производительные силы, но запутавшись в противоречиях, должен уступить место социализму (но только тогда, когда в лоне капитализма созреют материальные и духовные предпосылки нового строя). Эта схема накладывалась им на российское социальное бытие. И вырисовывалась следующая картина. Февральская революция — буржуазная революция. И стало быть, согласно классическим схемам, Россия должна пройти этап капиталистического развития. Всякая мысль о чем-то ином (и о социализме, в особенности) должна быть отброшена. Не надо авантюристических мечтаний, призывает Мартов, надо быть реалистом и исходить из того, что “исторические условия не созрели для перехода власти в наши руки”; “лишь тогда, когда вся буржуазия и ее подголоски исчерпают себя, дадут все, что могут”, а затем встанут “поперек дороги пролетариату, перед ним встанет задача или взять власть в свои руки, если есть шансы ее завоевать в открытой битве, или признать, что эта революция закончена, что созданная ею буржуазная республика окончательно сложилась, и занять место оппозиции — партии меньшинства населения, — которая своей борьбой и агитацией в рамках нового строя готовит силы пролетариата к новой революции, имеющей одну задачу — отвоевание власти у буржуазии” (цит. по [Урилов 1997, с. 237–238]).

Вообще схемы — вещь нужная и полезная, тем более, если в них содержится точное обобщение опыта мирового социального развития. Но абсолютизация этих схем — вещь крайне опасная. В политике (тем более в революционной политике) эти общие схемы способны сыграть свою роль лишь в качестве общего подхода к конкретному анализу социальной ситуации. Но для политического деятеля важно уметь переводить язык большой теории и предельно общих формул на язык практики, конкретных действий. Не реальность надо “подтаскивать” к теоретическим формулам, а теоретические формулы растворять в реальности. Философы называли такой метод “восхождением от абстрактного к конкретному”. И в этом восхождении будут рождаться формулы,

выражающие данную реальность, и они будут гораздо сложнее, чем исходные теоретические установки, а в чем-то даже будут противоречить им — в соответствии со знаменитым гётевским афоризмом: “Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо”. Зеленеющее “жизни древо” — это и есть точный образ конкретного мышления.

Ответы на конкретные вопросы невозможно получить в простом логическом развитии общей истины; всякая общая истина — только плацдарм, с которого начинается теоретический штурм и решение задач и проблем, встающих перед исследователем во время этого штурма. Дело это не механическое, не прикладное, не predetermined “общей истиной”, а дело, по сложности не уступающее открытию самих исходных “общих истин”, требующее самостоятельного, специфического исследования, при котором “общие истины” служат лишь нитью Ариадны, — это дело достижения новой, более конкретной истины, которая, в свою очередь, станет служить новым плацдармом для дальнейшего восхождения.

Для Мартова, абсолютизовавшего классические схемы, общее содержание исторического процесса в 1917 г. сводилось к альтернативе: капитализм или социализм? Третьего не дано! А поскольку социализм пока невозможен (не “созрели” для него условия!), то остается один-единственный путь — капитализм, со всеми вытекающими из этого задачами для деятельности социалистов в условиях буржуазного развития.

По Мартову, “третьего не дано”! А вот его оппоненты из большевистской партии считали, что — “дано”. И “третье”, и “четвертое”, и “десятое”... В. Ленин и его единомышленники исходили из того, что важно реализовывать не требование “схем”, а требования конкретного социального бытия России в данное время, в данных условиях, с данным состоянием социальных и классовых противостояний. Ленин видит задачу (и в данном случае я целиком на его стороне) не в том, чтобы реализовать одну из моделей социального устройства (“капитализм”, “социализм”), затвержденных в марксистском учебнике К. Каутского (в соответствии с идеями К. Маркса и Ф. Энгельса), а в том, чтобы найти путь к такому социальному устройству, в котором бы наиболее полным образом, в соответствии с возможностями данной исторической эпохи, удовлетворялись интересы широких слоев трудящихся, интересы эксплуатируемых и угнетаемых классов. И из *этого*, из требований живой жизни, из конкретики социально-классовой борьбы своего времени, а не из общих схем Маркса-Энгельса-Каутского следует формулировать революционные задачи и лозунги социально-преобразовательной деятельности. Так, для России важно было решить три главных задачи: добиться мира, дать землю крестьянам, обеспечить достойные условия труда и жизни рабочему классу. И совершенно неважно, как можно будет классифицировать ту социально-политическую систему, которая обеспечит решение этих задач. По-видимому, это будет не “капитализм” и не “социализм”. Это будет переплетение политических методов и социальных схем еще невиданных в истории. Это будет “конкретный анализ конкретной ситуации”, к которому так и не смог пробиться Мартов через барьеры своих “схем”.

Урок третий. Важно не только уметь переводить язык общей теории (всеобщих схем и формул) на язык конкретного анализа конкретной ситуации. Но еще и уметь воплощать результаты этого конкретного анализа в практически-политические *действия*. Да, Мартову нередко удавалось схватывать особенности социально-политического момента и формулировать вытекающие из него политические задачи. Ему только, как правило, не удавалось переводить все это в сферу массового политического действия. И в этом главная слабость Мартова как политика.

Вы можете быть тонким, проницательным политическим аналитиком (и таким часто был Мартов), вы можете разработать и предложить толковый план политических действий (и Мартов неоднократно это делал). Но если вы не способны воплощать ваши политические концепции в массовые политические *действия*, если вы не способны убедить, организовать и повести за собой единомышленников, — вам не следует идти в политику. Идите на университетскую кафедру, в научный кабинет,

в публицистику, в церковь, наконец. Идите просвещать и проповедовать. Куда хотите — только не в политику!

Мартов же (не обладая качествами партийного организатора и политического вождя) шел в политику, в самую ее гущу. И потерпел сокрушительное фиаско. Попробуем же извлечь уроки из его неудач. На чем все время спотыкался *политик* Мартов?

Данный им анализ, критика позиций руководства его (меньшевистской) партии поражают остротой, глубиной, пронизательностью. В стремлении свернуть партию с гибельного, катастрофического для нее пути Мартов прибегает к самым жестким, к самым резким оценкам: ему надо достучаться до своих заблуждающихся (по его мнению) товарищей. Вот он, с самого первого дня своего возвращения в Россию, из заседания в заседание, из выступления в выступление, просто криком кричит против захватившей его партию идеи участия в правительственной коалиции с буржуазной партией кадетов. На одном совещании он заявляет: «Образование правительства на основе “гражданского мира” между классами... является по существу контрреволюционным». На другом: участие меньшевиков в работе коалиционного (с буржуазией) правительства — “непоправимая”, “окончательная глупость”. На третьем: практика коалиции — это “хуже преступления” [Урилов 1997, с. 258]. Это же он не о каких-то частностях говорит, а о *главном вопросе* в данный исторический момент, от решения которого зависит не только судьба его партии, но, если угодно, весь ход революции. И как говорит! Он просто припечатывает руководство своей партии к позорному столбу: “контрреволюция”, “хуже преступления”, “окончательная глупость”! Куда же больше, куда же резче, куда же определенной! Но большинство пренебрежительно отвергает критику Мартова. И что же Юлий Осипович? Он “проглатывает” такое отвержение и ... остается в этой партии — освящая тем самым все ее “контрреволюционности” и “глупости”. Он, по сути, вступает в “коалицию” с ненавистными ему коалиционерами.

Или вот он на заседании бюро ВЦИК (4 августа 1917 г.) выступает — тоже предельно резко — против участия в создаваемом Керенским московском государственном совещании. Там, пытается он убедить своих соратников, затевается контрреволюционное дело, там будет “сплошная стена контрреволюции военной и буржуазной”. Соратники в очередной раз игнорируют его призывы. А Мартов? Он — в своем репертуаре. Подчиняется большинству, идет на государственное совещание и, молча, сидит там перед “стеной контрреволюции”. А потом, как обычно, жалуется в письме Н. Кристи (25 августа), что на совещании этом «сидел с закрытым ртом, ибо наше большинство (Совета) заранее постановило, что “оппозиция” (то есть Мартов. — Г.В.) не имеет права выступать самостоятельно (чтобы не испортить торжественности)» (цит. по [Урилов 1997, с. 265]). И Мартов, как видим, “контрреволюционной” “торжественности” не испортил...

А вот что он говорил на объединительном съезде РСДРП(б) в августе 1917 г.: ...“та политика, которую вело большинство меньшевистской партии до сих пор... представлялась от начала до конца политикой полного забвения и отрицания пролетарского марксизма, революционной стратегии марксизма” (цит. по [Урилов 1997, с. 274]). Такой вот сокрушительный приговор!

Ну, и как же, дорогой Юлий Осипович, можно оставаться в *такой* партии? Вот здесь, вот в этом Ваша непоправимая, Ваша колоссальная ошибка. В одном из своих традиционных писем Кристи Вы сетуете: “Массы не склонны нас поддерживать и предпочитают от оборонцев переходить прямо к антиподу — большевикам” (цит. по [Урилов 1997, с. 278–279]). Ну, а куда же им еще переходить? У них ведь выбор: или оборонцы или большевики, третьего не дано. А вот Вы-то, Юлий Осипович, как раз и могли бы предложить им это “третье” — вышли бы со своими единомышленниками из меньшевистской партии, создали бы свою — не “оборонческую”, не партию коалиции с буржуазией, а интернационалистскую, демократически-социалистическую партию. И тем создали бы возможность для значительной части масс переходить не только к большевикам, но и к вам, демократическим социалистам. Вы бы спасли

революционно-демократическую часть меньшевизма. А так, уступив оборонческому, карьеристскому, неревolutionционному большинству, Вы, по сути, способствовали краху меньшевизма в целом, стремительно терявшему поддержку масс. И свою, многообещающую, позицию Вы загубили, растворив ее в позиции меньшевистского большинства. Ваша позиция не получила громкого общественного звучания, она не стала известной широким массам, она упокоилась в узком кругу заседаний органов вашей партии, ваши отвергнутые большинством предложения и резолюции пылились на мало кому доступных полках партийных документов.

А возможность занять свободную в те времена нишу нравственно-демократического социализма у Вас была. И появившись такая партия — глядишь, и изменилась бы расстановка партийно-политических сил в стране, да и ход революционного процесса получил бы новые, весьма симпатичные оттенки. Да и большевики (и Ленин, и Троцкий), зная все эти Ваши критические речи, неоднократно протягивали Вам руку, приглашая к союзу с ними. Почему бы Вам не откликнуться на эти призывы? И совсем не обязательно было бы при этом смешиваться, объединяться с большевиками (подобно «межрайонцам» Л. Троцкого и А. Луначарского). Можно было бы оставаться на достаточно критическом расстоянии от них, но следовать старой революционной парадигме: «Врозь идти, но вместе бить!». Это была бы совсем другая «коалиция» — коалиция *революционных масс*.

Пишу это, пытаюсь вместе с Вами переиграть процесс столетней давности — и с сожалением понимаю невозможность иного Вашего политического поведения в то время. Тогда бы Мартов не был Мартовым, — говорю я себе. Я думаю, совершенно прав был историк И. Гетцлер, видевший основную ошибку Мартова в его отказе от создания собственной левой социалистической партии, которая помогла бы ему оказать большее влияние на ход революции в стране [Урилов 1997, с. 264]. Такая партия была бы важна не только как место притяжения революционно-демократических масс, но и как форма сплочения мартовских единомышленников, левых революционных социалистов — им было бы куда идти из меньшевистско-соглашательской партии. Но Мартов не был способен на такой шаг. «Лидер меньшевиков Мартов, — отмечал Троцкий, — является одной из самых трагических фигур революционного движения. Даровитый писатель, изобретательный политик, проницательный ум, Мартов был гораздо выше того идейного течения, которое он возглавил. Но его мысли не хватало мужества, его проницательности не доставало воли. Цепкость не заменяла их. Первый отклик Мартова всегда обнаруживал революционное устремление. Но немедленно же его мысль, не поддерживаемая пружиной воли, оседала вниз» [Троцкий 1930, с. 190]. Верно и точно, с одним уточнением: *мысль* Мартова не оседала (она сохраняла свою высоту), а оставалась в теоретической сфере, не переходя в практическое действие. И вот еще — Троцкий о мартовской группе: «...расходясь с официальным меньшевизмом во всех основных вопросах, эта группа остается в рамках меньшевистской организации. Но этим самым она лишает себя притягательной силы. Политика, которая не мешает оставаться в одной партии с Даном, Церетели и пр., не может быть политической революцией» [Урилов 1997, с. 302–303]. Именно так! И в этом для нас суть третьего урока Мартова.

Мартов и Октябрь

Принято считать, что Мартов — враг Октября. Что в «Октябрьском перевороте» он видел авантюру большевиков, их насилие над историей и над российском обществом. И что история отомстит. Что добром это не кончится, а кончится контрреволюционным Термидором. Раньше, когда в моде был сталинский «Краткий курс», его за это клеймили. Сегодня, когда прежние знаки меняются на противоположные, Мартова хвалят: он-де провидел, что дело Октября завершится термидорианской сталинской диктатурой, а насилие Октября получит продолжение в жесточайших репрессиях эпохи сталинизма. Но и те, и другие утверждали, что Мартов — враг Октября.

Все это так и не так. Все гораздо сложнее, гораздо интереснее и гораздо — для нашего времени — поучительнее. Прежде всего: “врагом Октября” Мартов не был. А был он, скорее, — “сочувствующим”.

“Поймите, — пишет он П. Аксельроду 19 ноября 1917 г., — что все-таки перед нами победившее восстание пролетариата (заметьте: “восстание пролетариата”, а не какая-то “авантюра большевиков”. — *Г.В.*), то есть почти весь пролетариат стоит за Лениным (Ленин и его соратники — не какая-то кучка политических честолюбцев, рвущихся к власти заговорщиков; пролетариат — за ними! — *Г.В.*) и ждет (пролетариат) от переворота социального освобождения (“социальное освобождение” — вот цель Октября! — *Г.В.*) [Меньшевики... 1997, с. 345]. Притом (пролетариат) помнит, что он вызвал на бой все антипролетарские силы (вот она главная опасность для рабочего класса России — не большевики, а “антипролетарские силы”! — *Г.В.*)”. Занимая такую позицию, Мартов и не желает “специально порочить перед Европой большевистскую диктатуру”, поскольку это “может объективно помочь врагам революции и социализма вообще” (видит, стало быть, в “Октябре” не просто “переворот”, но “революцию”, а в ней — стремление к новому общественному устройству — “социализму”).

Мартов видит серьезные, глубинные социальные причины, вызвавшие Октябрьскую революцию, видит в ней восстание народных масс, и потому не склонен думать, что она потерпит быстрое фиаско (как утверждали многие из “антипролетарского” лагеря, и Аксельрод — в их числе). Прав И. Урилов, заметивший, что, “в отличие от многих своих современников, Мартов не верил в скорое падение ленинской диктатуры” и что даже “был согласен поддержать большевиков на условиях создания коалиционного демократического правительства” [Урилов 1997, с. 319].

Мартов не устает подчеркивать, что Октябрьский переворот — значительный шаг по пути социального прогресса. “Мы, как партия политического реализма, — заявляет он на Чрезвычайном съезде РСДРП (30 ноября 1917 г.), — должны отдать отчет в том, что независимо от наших симпатий и антипатий, пролетариат и те, кто идет за ним путем этого переворота, пытается осуществлять объективно прогрессивные задачи, перед которыми запнулась буржуазная демократия”. Поэтому “неверно, — убеждает он своих однопартийцев, — что этот переворот контрреволюционен”; и вообще он не был случайностью, он был предопределен “всем ходом русской революции”. “В существе своем он вызван неудовлетворенными потребностями рабочего класса” — тем, что Временное правительство не решило и не пыталось решить три основные задачи, стоявшие перед страной: прекращение войны, создание условий для нормальной экономической жизни, радикального решения аграрного вопроса (цит. по [Урилов 1997, с. 322]). Мартовская позиция была четко зафиксирована в тезисах, принятых на заседании ЦК РСДРП (17–21 октября 1918 г.): “Совершенный в октябре 1917 года большевистский переворот являлся исторически необходимым” [Урилов 1997, с. 344]. А в письме Мартова Аксельроду (23 января 1920 г.) появится самая, пожалуй, важная констатация: Октябрьский переворот был “шагом вперед в общественном развитии” [Урилов 1997, с. 348].

“Шаг вперед в общественном развитии”! Только приняв во внимание подобную оценку, можно приступить к анализу критики Мартовым Октябрьских событий. Только в этом контексте она и может быть понята по-настоящему. Да, Мартов был “сочувствующим” Октябрю. Но не его апологетом. Он развешивал довольно широкую картину опасностей, которые стоят и встанут на его пути. Пытался определить причины этих опасностей и способы их избежания. О чем идет речь? Два основных упрека формулировал Мартов в адрес возглавившей Октябрьский переворот большевистской партии.

Первый. Он упрекал большевиков за их стремление “перескочить” через исторически необходимые этапы исторического развития: за их попытки строить социализм, для которого не сложились необходимые предпосылки ни в сфере экономики, ни в сфере культуры, ни в сфере общественного сознания. А стремление к социалистической цели при отсутствии предпосылок рождает желание подстегивать процесс,

что ведет к росту насилия, которое приобретает гипертрофированные формы и грозит выродиться в деспотическое политическое правление с произволом карательных органов, подавлением народной самодеятельности и прав личности. И это — второй упрек Мартова. Вот эти два, взаимосвязанные, фактора — стремление “перескочить” через необходимые этапы и разрастание насилия могут, по мнению Мартова, погубить то позитивное, революционное, прогрессивное, что лежит в основе Октябрьского переворота. Как оценить эти констатации, эти предупреждения Мартова?

Но прежде давайте внимательно прочитаем, вдумаемся в сказанное и написанное им. Из письма Аксельроду (1 декабря 1917 г.): “Попытка... производить коммунистические эксперименты (“перескакивание”. — *Г.В.*)... ни к чему, кроме краха, привести не может”. “Хотя масса рабочих за Лениным, его режим все более становится режимом террора...”. “Режим террора, попираание гражданских свобод... готовит самую благодарную почву для всякого бонапартизма”. “Наш лозунг — объединение большинства Учредительного собрания (социалистического) путем соглашения между ленинцами и всеми остальными на почве разрешения задач мира, регулирования промышленности и аграрной реформы с отказом от террора и социально-утопических экспериментов” [Меньшевики... 1997, с. 529].

Давайте разбираться. Вначале — о “социально-утопическом эксперименте”, связанном со стремлением “введения социализма” в условиях незрелости социальных отношений. Слишком упростил Мартов ленинскую позицию.

Ведь Ленин, и в ходе революционного процесса 1917 г. да и позднее, никогда не выдвигал задачу “введения социализма”. В тех же Апрельских тезисах он, что называется “черным по белому”, с не допускающей никакой двусмысленности, пишет: «Не “введение” социализма» — “наша непосредственная задача”. А что же? Всего лишь — “переход... к контролю со стороны С.Р.Д. (Совета рабочих депутатов. — *Г.В.*) за общественным производством и распределением продуктов” [Ленин т. 31, с. 116]. Что вовсе не является синонимом “социализма”. И позднее, через несколько месяцев после победы Октября, в феврале 1918 г., когда многое стало яснее, Ленин, тем не менее, говорил: “Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем, мы этого сказать не можем”, потому что нет еще для характеристики социализма материалов. Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится” [Ленин т. 36, с. 65, 66].

И в главных лозунгах Октябрьской революции (“Мир! — народам”, “Земля — крестьянам!”, “Фабрики — под контроль рабочих!”) ничего специфически социалистического нет. Ленин был в поиске, прекрасно понимая: капитализм в России — реакционен, социализм — пока невозможен. Он искал новые формы социального бытия: не капитализм и не социализм, а тогда — что? Вот тут бы Мартову, тонкому аналитику и творческому теоретику, и придти на помощь, и предложить свою модель социального развития, учитывающую специфику России и мирового развития XX в. Но он не смог уловить всю новизну ситуации и прошел мимо этой проблематики. Ленин был им не понят.

Некоторым оправданием Мартову было то, что ряд соратников Ленина (радикально-левого толка) тоже не понимали всей необычности, всей сложности ситуации, в которой оказалась Россия к исходу 1917 г. И они действительно видели задачу в немедленном строительстве социализма. Мартов же в своей критике отождествил их с Лениным и, упростив тем самым задачу, упустил возможность включиться в разработку нового уровня теоретических построений. А Ленин, повторяю, был в поиске, который завершился к 1921 г. разработкой концепции, которую мы бы назвали концепцией “нового (конвергентного) социализма”. Но об этом — чуть позже.

И — о терроре, избыточном насилии и возможном в перспективе термидоре. Ну конечно, насилия и избыточного насилия в те времена было предостаточно. И естественно, человека родом из “Приличинска”, как и всякого другого высококонравленного человека, это не могло не огорчать. Но Мартов слишком упрощает проблему, как-то очень поверхностно судит о ней. Он полагает, что главные импульсы

насильственных действий идут от *лидеров* большевистской партии. Ему кажется: убедить он Ленина, Троцкого, Луначарского в необходимости снизить уровень насилия, те пошлют соответствующие указания идущим за ними массам — и насилие войдет в допустимые рамки. А дело в том, что главные истоки насилия крылись в этих самых массах, в их социальном бытии, в их политической культуре.

Октябрь — сложное, неоднозначное и внутренне противоречивое явление, содержащее в себе разные альтернативы и интенции. Две основные: одна — народно-демократическая, ставящая задачу удовлетворения материальных и духовных потребностей народа, создания системы народоправства, демократической власти трудящихся; другая — делающая акцент на насилии как способе решения всех проблем и толкающая общество к антидемократическому, тоталитарному режиму, государственно-бюрократическому строю. И две основные социальные силы, питавшие эти тенденции. Одна — политически и культурно развитые рабочие, типа, условно говоря, И. Бабушкина, Я. Дубровинского, А. Шляпникова. И другая — шариковы, швондеры, герои платоновских повестей, ограниченные, малокультурные, примитивно мыслящие люди, понимающие социализм как казарму военно-коммунистического типа (“казарменным коммунизмом” называл Маркс подобную систему взглядов).

В революционных событиях 1917 г. они шли вместе, плечом к плечу. Вместе боролись за изменение ситуации в стране, за улучшение жизни простых людей, угнетенных и униженных в романовской России. Но по-разному видели будущее и способы борьбы за него. Это противоречие культурно-развитых сил революции и революционной (но темной, но культурно не развитой) массы зримо проявилось уже в первые Октябрьские дни. «Ужас! — восклицал один из большевистских лидеров в дни переворота. — Наши революционные рабочие в Зимнем на “рафаэле” колбасу режут...». И этот знаменитый эпизод с Луначарским, одним из лидеров просвещенных революционных сил, описанный Д. Ридом: «15 (2) ноября комиссар народного просвещения А. Луначарский разрыдался на заседании Совета Народных Комиссаров и выбежал из комнаты с криком: “Не могу я выдержать этого! Не могу я вынести этого разрушения всей красоты и традиции...”» [Рид 1958, с. 203].

Вечером в газетах появилось его заявление об отставке: “Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве. Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется. Жертв тысячи. Борьба ожесточается до звериной злобы. Что еще будет? Куда идти дальше? Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилён. Работать под гнетом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя. Вот почему я выхожу в отставку из Совета Народных Комиссаров. Я сознаю всю тяжесть этого решения, но я не могу больше...” [Рид 1958, с. 203–204].

Не мелочи, не пустяки, не какие-то второстепенные мировоззренческие частности разделяли эти две революционные силы. “Звериная злоба”, выливающаяся в “тысячи жертв”, — на одной стороне. И абсолютное неприятие этого — на другой.

Конечно, у интеллигентнейшего Анатолия Васильевича немного сдали нервы. И более стойкие его соратники упростили Луначарского остаться: предстоит борьба не только с силами монархии и капитала, но и внутри революционной массы — с темнотой, невежеством и жестокостью ее участников. И дезертировать с этого, становившегося все более важным, участка борьбы культурным деятелям революции непозволительно.

Собственно, после окончания Гражданской войны, после победы над силами контрреволюции решался кардинальный вопрос дальнейшего социального развития страны: кто будет определять маршрут движения России — бабушкины и шляпниковы (поддерживаемые луначарскими) или невежественная и “злая” масса швондеров и шариковых (науськиваемая и поощряемая политиками, которые впоследствии составят сталинскую команду). Количественный перевес был, увы, на стороне последних. Но была одна политическая фигура, которая в программных установках и реальной деятельности обеспечивала доминирование культурных революционных

сил. Этой фигурой в начале 1920-х гг. был В. Ульянов (Ленин). Его, как он однажды выразился, “коренной” пересмотр взглядов на социализм, связанный с разработанной им Новой экономической политикой, его критика “леваков” (работа «Детская болезнь “левизны” в коммунизме»), его последние статьи (называемые “политическое завещанием”), в центре которых НЭП, кооперация, культурная революция, наметили основные контуры будущего Культурного Социализма. “Культура” — стала всеопределяющим словом-паролем Нового Социализма. И постепенно к этим позициям “просвещенного социализма” подтягивались Н. Бухарин (пересмотревший свои позиции начала 1920-х гг., периода написанной им с Е. Преображенским “Азбуки коммунизма” и в 1925 г. вступивший в острую полемику со своим соавтором, задержавшимся на позициях “казарменного коммунизма”), Л. Красин, А. Рыков, М. Томский, А. Луначарский...

Но в 1924 г. умер Ленин. И силы, влияние Культурного Социализма были катастрофически ослаблены. Сталинская команда швондеров (все эти молотовы, ворошиловы, кагановичи, жовы, берии, маленковы) брала постепенно всю полноту власти. Члены так называемой “ленинской гвардии” расстреливались в подвалах Лубянки или гибли за колючей проволокой ГУЛАГа. Ленинское политическое завещание было затоптано сворой получивших безраздельную власть казарменных псевдокоммунистических бюрократов. Надежды на Культурный Социализм угасали.

Сталинский “социализм” не был действительным социализмом, формацией, основанной на общественной собственности, социальном равенстве и народоправстве. Он был формацией, где собственностью реально владело и распоряжалось бюрократическое сословие. То была не общественная, а корпоративно-бюрократическая собственность. Там не было “свободного труда” (там был труд рабов в ГУЛАГе, полуфеодалного, бесправного, беспаспортного крестьянства в колхозах и наемных рабочих в промышленности). Там не было народоправства, вся власть — и экономическая, и политическая — сосредоточивалась в руках бюрократического сословия; это была политическая диктатура бюрократии.

Это, повторяю, было особое, невиданное еще в истории, непредвиденное в теории, социальное образование, которое можно было бы назвать *государственно-бюрократической формацией*. Полностью оформившаяся к середине 1930-х гг. (что официальной пропагандой той поры было представлено как завершенное “социалистическое” строительство), она прошла несколько этапов — от ранних стадий сталинского и хрущевского окраса (в которых, при всей антинародности и реакционности политической формы, присутствовали элементы исторически прогрессивного содержания — модернизация, например, хотя и очень деформированная реакционной политической формой) до поздней стадии — “брежневизма”, когда под реакционной формой не осталось уже и следа исторически прогрессивного содержания.

Вообще формация эта была сложным образованием, со сложнейшим переплетением мотивов деятельности различных социальных сил, с многовекторным историческим движением. Были там — особенно в сфере культуры и в сфере массового, “низового” политического сознания — и черты подлинно социалистической деятельности, питавшиеся импульсами, порожденными стихией массового освободительного движения в Октябре 1917 г. Но дирижерская палочка, направлявшая и определявшая всю деятельность социального “оркестра” была в руках класса бюрократии. Она, эта бюрократия (по-другому — “номенклатура”) определяла общее лицо системы и логику ее движения.

Такая вот история с приходом “бонапартизма” и “термидора”. И они были совсем не предопределены ситуацией и политикой руководимой Лениным большевистской партией в конце 1917 г. История могла пойти и иначе, если бы культурные революционно-социалистические силы самых разных направлений нашли бы способ соединить свои усилия по “окультуриванию” и “гуманизации” низового революционного процесса. Если бы доминировавшие в Совете и входившие в правительство социалистические партии (меньшевики и эсеры) смогли осуществить хотя бы некоторые из

реформ, отвечающих интересам и чаяниям низов. И возможно, тогда отпала бы и необходимость в Октябрьском восстании. Об этом, между прочим, говорил и Ленин — и в разгар революционных событий (сентябрь 1917 г.), и позже — в 1920 г., итожа опыт февральско-октябрьского революционного процесса.

Сентябрь 1917 г.: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной. Ибо против такого союза, против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов никакая буржуазией начатая гражданская война немыслима, этакая “война” не дошла бы даже ни до одного сражения, буржуазия *во второй* раз, после корниловщины, не найдет даже и “дикий дивизии”, даже прежнего числа эшелонов казачества для движения против Советского правительства!» [Ленин т. 34, с. 222].

Март 1920 г.: “Эсеры и меньшевики проделали опыт, нельзя ли обойтись с капиталистами по-мирному и перейти от них к социальной реформе. Они по-добро хотели перейти в России к социальной реформе, только чтобы не обижать капиталистов. Они забыли, что господа капиталисты есть капиталисты и что их можно только победить. Они говорят, что большевики залили страну кровью в гражданской войне. Но разве вы, господа эсеры и меньшевики, не имели 8 месяцев для вашего опыта? Разве с февраля до октября 1917 года вы не были у власти вместе с Керенским, когда вам помогали все кадеты, вся Антанта, все самые богатые страны мира? Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему же вы этого не сделали?” [Ленин т. 40, с. 178–179].

И еще несколько “почему?”, обращенные уже прямо Юлию Осиповичу. Почему 25 октября 1917 г. Вы ушли со II Всероссийского съезда Советов? Это было знаковое событие. Взяв одним из первых слово, Вы предложили в целях “мирного разрешения кризиса” создать “власть, которая была бы признана всей демократией” (власть, в которую вместе с большевиками входили бы меньшевики и эсеры). Голосование: все (включая большевиков) — “за”. Исторический (могущий стать переломным) момент: возможность создания многопартийного правительства — условие развития политической демократии и идеологического плюрализма!

И тут Ваши друзья, Юлий Осипович, из меньшевистской и эсеровской партий напрочь перечеркивают эту симпатичную возможность. Выступают с резкими обвинениями большевиков — и: “Мы снимаем с себя всякую ответственность за происходящее и покидаем съезд”. Так кто же срывает наметившуюся возможность многопартийности и демократии? Может, не большевиков, Юлий Осипович, а Ваших политических друзей следовало бы как следует пропесочить?

Ну, хорошо, они ушли. Но Ваша-то группа меньшевиков-интернационалистов осталась. Может, Вам вместе с тоже оставшимися левыми эсерами войти в правительство? Все-таки будет трехпартийное правительство. Нет, Вы не можете разорвать ниточку, связывающую Вас с ушедшими. Берете вновь слово и предлагаете “избрать комиссию для переговоров со всеми социалистическими партиями”. Но ведь они, наговорив всякой всячины в адрес большевиков, ушли — тем ясно обозначив свою позицию относительно Вашей симпатичной идеи. С кем же будет вести переговоры ваша комиссия? И вполне поэтому логично отреагировал на Ваше предложение о “комиссии” большевик Троцкий: “С кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда или которые делают это предложение... Нет, тут соглашение не годится. Тем, кто отсюда ушел и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы — жалкие единицы, вы банкроты, ваша роль сыграна и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории” (цит. по [Суханов 1992, т. 3, с. 335–337]).

И Вы, Юлий Осипович... обиделись: “Тогда мы уходим!”. В политике “обижаться” — последнее дело. И более чем справедливой была реакция на это Вашего

ближайшего соратника по группе меньшевиков-интернационалистов Н. Суханова: “Мы ушли, неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав все будущее своей организации и своих принципов. Этого мало: мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им всю арену революции. Борьба на съезде за единый демократический фронт могла иметь успех... Уходя со съезда... мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей линии Ленина...” [Суханов 1992, т. 3, с. 343].

Прав Суханов. Вошли бы в союз с левыми эсерами, создав некоторый противовес большевикам, вступили бы в правительство (трехпартийное!), получили бы возможность влиять на события в демократическом, гуманистическом духе. И возможно, по-иному пошли бы события – в более приемлемом для Вас ключе. Конечно, гарантии, что все на этом пути будет гладко, никто дать не мог, всякое могло случиться. Но шанс был! И его следовало бы использовать. Пожалуй, соглашусь с Сухановым, написавшим: “В Мартове явно побеждала меньшевистская нерешительность. Еще бы! Ведь разрыв с буржуазно-соглашательскими элементами и прикрепление к Смольному (то есть к большевикам. – Г.В.) обязывали к самой решительной борьбе в определенном лагере. Ни для какой нейтральности, ни для какой пассивности тут не оставалось места. Это пугало” [Суханов 1992, с. 342].

Я скажу так: личное мужество и политическое мужество – это существенно разные вещи. В высшей степени мужественный, смелый в личном плане человек, Мартов был очень не смел в плане политическом.

В общем, дорогой Юлий Осипович, свою долю ответственности за то, что не сложилась у нас многопартийная система, за то, что не развивалась демократическая культура, несете, простите, и Вы. То, что со съезда ушли Ваши друзья – это понятно и логично: они враги Октября, и ушли, чтобы бороться (не на жизнь, а на смерть) с большевиками и последствиями Октябрьской революции. Но ведь вы-то считали, что “совершенный в октябре 1917 года большевистский переворот являлся исторически необходимым”, что он был “шагом вперед в общественном развитии”. Да, Вы видели ряд существенных опасностей, порожденных этим “шагом”. И считали необходимым избавиться от них. Это же совсем другая позиция, существенно отличающаяся от позиции основной массы меньшевиков и эсеров. И потому я не вижу логики в Вашем уходе. Ведь Вы не просто “ушли” со съезда, Вы (извините меня за эту лексику, но тут без нее не обойтись) *дезертировали* с политического фронта – в самый трудный, в самый ответственный момент русской революции, оставив большевиков (и друга Вашей молодости Ленина) в одиночку сражаться с теми невероятными трудностями становления нового общества, с которыми столкнулась Россия и о которых Вы так убедительно сигнализировали.

И еще одно, тоже очень важное “Почему?”, связанное с переговорами меньшевиков и эсеров с большевиками по поводу возможности формирования многопартийного правительства (вторая, после II Съезда попытка!). Так вот, *почему* Вы решили, что главная вина за срыв переговоров – на большевиках? Давайте внимательно посмотрим, что предлагали на этих переговорах Ваши политические друзья, меньшевики и эсеры. «В предварительных переговорах, – информируете Вы Аксельрода в письме 19 ноября 1917 г., – была уже нащупана почва для соглашения: “деловое” министерство, куда из большевиков войдут наименее одиозные для правого крыла демократии (называли А. Луначарского, М. Покровского, А. Рыкова), из меньшевиков и социалистов-революционеров войдут деловые работники, а во главе станет Чернов» [Меньшевики... 1997, т. 3, с. 342].

И это серьезное предложение? Правительство, в котором не будет ни Ленина, ни Троцкого, а несколько второстепенных деятелей большевистской партии, да еще во главе с В. Черновым (!) и при доминировании эсеровско-меньшевистских представителей? Да ведь они же, черновы эти, уже были в правительстве и за несколько месяцев

довели страну до развала и до корниловщины. И им опять дать “порулить”? И Вы это поддерживаете? И Вы обвиняете за срыв переговоров большевиков? Постыдились бы Ваши друзья после корниловщины, после Октябрьского восстания против правления Керенского (в коалиции с меньшевиками и эсерами) предлагать этакое...

Оптимистический финал: уроки на будущее

А теперь, в заключение, может быть, о самом главном.

Мы, люди XXI столетия, стремимся, извлекая уроки из опыта Прошлого и опираясь на эти уроки, выстраивать стратегию движения в Будущее. Для современного российского общества — это актуальнейшая задача. Нельзя пробавляться (как это принято сегодня) решением частных, ближайших, прагматических задач. Нужно видение исторических перспектив и стратегических целей. Важно понять: кто мы, на каком витке исторического процесса находимся и “куда нам плыть”. Отправными точками для разработки основ такой стратегии как раз и могут послужить уроки прошлого — теоретическое наследие и практический опыт коренных, революционных преобразований.

И среди этих уроков особо важное место могут и должны занять уроки, преподанные деятельностью Мартова вкупе с уроками... Ленина. В синтезе теоретических идей этих двух знаменитых деятелей революционной эпохи и заложен, на мой взгляд, ключ к выработке Стратегии развития современного российского общества. Убежден, что идеология, в которой нуждается современная Россия, желающая найти выверенную дорогу в Будущее, должна совместить в себе Мартова и Ленина. Следует только иметь в виду, что это будет не просто сложение, не просто некая механическая сумма взглядов того и другого. В искомом синтезе Ленин и Мартов обретут новые качественные характеристики. Ленин будет немного Мартовым, Мартов — немного Лениным.

Поясню, какой “синтез” имею я в виду. Это будет синтез концепции “Нового (конвергентного) социализма” Ленина и “Нравственно-демократической” парадигмы Мартова. В основе концепции, которую я называю “Концепцией нового социализма”, тезис Ленина: “...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм” [*Ленин* т. 45, с. 376]. Этот тезис был ошарашивающим и парадоксальным для ленинских соратников. Как это “переменить”? И причем не какое-то отдельное положение, а “всю” (!) точку зрения на социализм, да еще “коренным” образом. Мало кто тогда (в эпоху НЭПа) понял, мало кто воспринял эту ленинскую мысль. Что же означал этот впечатляющий ленинский тезис? Он был вступлением к разрабатываемой Лениным новой модели социализма.

Ведь с чем были связаны прежние представления о социализме? Что социализм — есть “уничтожение частной собственности” (Маркс: “...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности”). Что социализм — есть единая в масштабе страны “фабрика”, работающая строго по плану, начерченному государством и жестко им контролируемая.

И вот он, ленинский “коренной пересмотр”: социализм — есть сочетание общественной и частной собственности, социализм — есть сопряжение государственно-плановой и стихийно-рыночной экономики. А для большей устойчивости этой системы необходимо осуществить “культурную революцию” и дать широчайший простор развитию кооперации. Это и были основы концепции “Нового социализма”, или, как назвал его Ю. Буртин, “Конвергентного социализма” (то есть представляющего собой синтез, конвергенцию демократически-либеральных и демократически-социалистических ценностей)¹.

Вспомним два фактора, “поддержавших” эту новую концепцию. Первый: резкое и быстрое оживление российской экономики в 1922–1927 гг. И второй: навстречу

¹ Подробный, блистательный анализ становления и развития этой ленинской концепции см. [*Буртин* 1999, с. 411–511]. О судьбе этой концепции см. также: [*Водолазов* 2014; *Цаголов, Водолазов* 2016].

“новому социализму” Ленина шел “новый (конвергентный) либерализм” Д.М. Кейнса (активно включавший в либеральную теорию целый ряд социалистических ценностей). Если суть прежнего либерализма – частная собственность, рынок², то “конвергентный либерализм” – это синтез частной и общественной собственности, расширение сферы участия государства в экономике, планирование и программирование. Ленин и Кейнс шли с разных сторон, но к сходной цели.

Социальному (конвергентному) либерализму Кейнса повезло: по его лекалам строился “Новый курс” Ф. Рузвельта, с ним сверяли свои маршруты многие западноевропейские страны в послевоенный период. А вот “Новому социализму” Ленина повезло меньше. На его пути (после смерти Владимира Ильича) стеной встало сталинское руководство, склонное к военно-коммунистическим, насильственным, административно-командным методам деятельности. И все же, как некая теоретическая модель, он продолжал свою (нелегкую, впрочем) жизнь в научных изысканиях смелых ученых. Осторожно обходя сталинско-брежневские капканы, они развивали намеченные Лениным идеи “конвергентного социализма”³.

И сегодня основные идеи ленинской модели “Нового социализма” могут послужить одним из важнейших источников при разработке экономической стратегии развития современной России. Конечно, эта модель не может быть *просто* перенесена из 20-х гг. прошлого века в современность. Корректировка потребуется. И главное, что придется сделать, – дополнить ленинскую *социально-экономическую* модель концепцией сочетающейся с ней *политической* системы.

Ленин понимал необходимость основательного реформирования сложившейся к началу 1920-х гг. политической системы, обновления госаппарата, который перестает быть формой народоправства, а превращается в бюрократическую государственную машину. “Коммунисты стали бюрократами, – пишет он в письме Г. Сокольникову от 22 и 28 февраля 1922 г. – Если что нас погубит, то это”. А бюрократическая система – это преддверие Термидора (то есть репрессивно-диктаторского, антинародного режима).

Как разбюрократизировать политическую систему, что надо сделать, чтобы в России реально правил народ? Эти вопросы мучили вождя Советского государства. Попытка ответа на них – статья “Как нам реорганизовать Рабкрин?”. Первая (и не очень конструктивная) прикидка демократизации советской государственной системы. На другие попытки жизнь уже не отвела времени. После смерти Ленина бюрократия укрепила свои позиции и породила своего лидера – диктатора И. Сталина. Новый (нэповский) социализм без политической демократической подпитки обречен на гибель.

Вот тут на помощь и может прийти Мартов с его в деталях разработанной программой парламентской демократической республики с полным набором демократических принципов: всеобщие (а не классовые) выборы, всевозможные свободы – совести, слова, собраний, печати, независимые суды, “отмена всяких независимых от суда органов следствия и расправы как Чрезвычайные Комиссии”, “отмена смертной казни”, “лишение всех партийных учреждений и ячеек прав каких-либо органов государственной власти и членов партии каких-либо материальных привилегий”, “упрощение бюрократической машины путем развития местного самоуправления” и т.д., и т.п. [Меньшевики в 1919–1920... 2000, с. 236]. Это были прекрасные принципы. Но вспомним время, когда они были предложены.

Мартов неоднократно напоминал, что Россия не доросла до социализма. Ну, что же, верно. А до Мартовской демократии доросла? Ведь реализация этих принципов

---

²Л. фон Мизес: “Программа либерализма, если выразить ее одним словом, будет читаться так: *собственность, т.е. частное владение средствами производства...* Все остальные требования либерализма вытекают из этого фундаментального требования” [Мизес 1994 с. 37].

³Сталинизм: отход от ленинских идей НЭПа и “Нового социализма”. Альтернатива: “Конвергентный социализм” или “доконвергентный” казарменный коммунизм? Бухарин (“нэповец”) или Сталин? “Шестидесятники”: Возрождение (в теории) ленинско-нэповских идей (Т. Заславская, А. Сахаров, Ю. Буртин, Г. Лисичкин, О. Лацис, А. Волков...). Сегодня: С. Дзарасов, Г. Цаголов, Г. Водолазов и др.

предполагает и достаточно высокий уровень политической и общей культуры народа, существование традиций и навыков жить и думать в соответствии с императивами демократии. Для России того времени Мартовская демократия была не более, чем красивой утопией. Да, и предлагалась она (заметьте!) в самый разгар Гражданской войны. Попытка реализовать эти прекрасные принципы в условиях военного времени — утопия в квадрате. Потому и зависали они в воздухе, потому и не получали отклика в умах и действиях серьезных, реалистичных политиков того времени.

Но вспомним замечательный афоризм Ф. Энгельса: неверное в конкретно-историческом отношении становится истиной во всемирно-историческом смысле. Вот и демократическая программа Мартова утопическая, “неверная” в условиях 1918–1920 гг. становится истиной в современную эпоху.

И вот, вдумываясь в уроки, преподанные нам деятельностью Мартова, Ленина, всем ходом и исходом февральско-октябрьского революционного процесса, мы формулируем императивы, способные, на наш взгляд, стать основой политической стратегии прогрессивных сил современной России:

- политика, ограниченная Нравственностью;
- равенство, сочетающееся со Свободой;
- индивид, живущий интересами Социума, и Социум, обеспечивающий права и всестороннее развитие Индивида;
- конвергентный социализм с Демократическим лицом.

Вот, собственно, и все, к чему мы должны стремиться сегодня!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буртин Ю. (1999) Другой социализм. Октябрь, НЭП и завещание Ленина в исторической перспективе // Альманах “Красные холмы”. М.: Издательский дом “Городская собственность”. С. 411–511.

Водолазов Г.Г. (2014) Альтернативы истории и история альтернатив (Н. Бухарин против “казарменного коммунизма”). М.: Социс. № 8. С. 105–113. № 11. С. 129–139.

Ленин В.И. Выступление против поправки Бухарина к резолюции о программе партии 8 марта // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 65–66.

Ленин В.И. Доклад на I съезде трудовых казаков 1 марта 1920 года // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 166–187.

Ленин В.И. Март 1922 – март 1923 // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 113–118.

Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 45. С. 369–377.

Ленин В.И. Русская революция и гражданская война // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 214–228.

Меньшевики в 1917 году. В 3 т. (1997) Т. 3. М.: РОССПЕН. С. 345.

Меньшевики в 1919–1920 гг. (2000) М.: РОССПЕН.

Мизес Л. (1994) Либерализм в классической традиции. М.: Начала-Пресс.

Рид Д. (1958) 10 дней, которые потрясли мир. М.: Политиздат. С. 203–204.

Суханов Н.Н. (1992) Записки о революции. Т. 3. М.: Республика.

Троцкий Л.Д. (1930) Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 1. Берлин: Б.И.

Урилов И.Х. (1997) Ю.О. Мартов: политик и историк. М.: Наука.

Цаголов Г.А., Водолазов Г.Г. (2016) Новое интегральное общество. М.: URSS.

Yuli Martov. Politics and morality in a Revolution

VODOLAZOV V.*

***Vodolazov Grigori** – doctor of philosophical science, professor of the department of political theory of Moscow State Institute of International Relations, vice-president of the Academy of political science. Address: 76, Prospekt Vernadskogo, 119454 Moscow, Russian Federation. E-mail: gvodolazov@yandex.ru

Abstract

Dramatic revolutionary processes that took place in Russia in February-October 1917 posed a lot of questions to the social theory. Among them the particularly acute one is the relationship between politics and morality. How compatible are these notions? The problem is viewed through the prism of public activity of one of the outstanding figures of that time, who was characterized as a person of high moral principles – Yuli Osipovich Martov.

Keywords: politics, morality, moral, revolution, reforms, dictatorship, democracy, Bolsheviks, Mensheviks, the Socialist-Revolutionaries, Cadets.

REFERENCES

- Burtin Yu. (1999) Drugoy socializm. Oktyabr', NEP i zaveshaniye Lenina v istoricheskoy perspektive [Other socializm. October, NEP and Lenins' testament in historical prospect]. *Almanakh "Krasnye Kholmy"*. Moscow: Izdatel'sky dom "Gorodskaya sobstvennost", pp. 411–511.
- Lenin V. Doklad na I sjezde trudovich kazakov 1 marta 1920 goda [The speech at the I Congress of working kazaks on the 1st of March]. Lenin V. *Poln. sobr. soch.*, T. 40 [Lenin V.I. Complete Works, vol. 40], pp. 166–187.
- Lenin V. Mart 1922 – Mart 1923 [March 1922 – March 1923]. Lenin V. *Poln. sobr. soch.* T. 45. [Lenin V. I. Complete Works. vol. 45].
- Lenin V. O kooperatsii [On Cooperation]. Lenin V. *Poln. sobr. soch.*, T. 45 [Lenin V.I. Complete Works, vol. 45], pp. 369–377.
- Lenin V. O zadachakh proletariata v dannoi revoliucii [About the goals of revolution]. Lenin V. *Poln. sobr. soch.*, T. 31. [Lenin V.I. Complete Works, vol. 31], pp. 113–118.
- Lenin V. Russkaja revoliucija i grazhdanskaja voina [Russian revolution and the Civil war]. Lenin V. *Poln. sobr. soch.*, T. 34. [Lenin V.I. Complete Works, vol. 34], pp. 214–228.
- Lenin V. Vistuplenie protiv popravki Bucharina k rezolucii o programme partii 8 marta [The speech against amendments to the resolution on the party program on the 8th of March]. Lenin V. *Poln. sobr. soch.*, T. 36. [Lenin V.I. Complete Works, vol. 36], vol. pp. 65–66.
- Mensheviki v 1917 godu. V 3 t.* [Men'sheviks in 1917. 3 vols] (1997), vol. 3. Moscow: ROSSPEN.
- Mensheviki v 1919–1920 gg.* [Men'sheviks in 1919–1920] (2000) Moscow: ROSSPEN.
- Mizes L. (1994) Liberalism v klassicheskoy traditsii [Liberalism in a classic tradition] Moscow: Nachala–Press.
- Reed D. (1958) *10 dnei, kotorye potryasli mir* [10 days that shocked the world]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Sukhanov N.N. (1991, 1992) *Zapiski o revoliutsii* [Notes on the revolution], vol. 3. Moscow: Respublitsa publ.
- Trotsky L.D. (1930) *Moyazhizn'. Opyt avtobiografii* [My life. Experience of autobiography], vol. 1. Berlin: N.P.
- Tsagolov G.A., Vodolazov G.G. (2016) *Novoye integralnoye obshchestvo* [New integral society]. Moscow: URSS.
- Urilov I. (1997) *U.O. Martov: politik i istorik* [Yu.O. Martov: a historian and politician]. Moscow: Nauka.
- Vodolazov G. (2014) *Alternativy istorii i istorii alternativ (N. Bukharin protiv "kazarmennogo kommunizma")* [Alternatives in history and histories of alternatives (N. Bukharin against "barrack communism")]. *Sotsis*, no. 8, pp. 105–113; no. 11, pp. 129–139.